№ 11. 10-е МАРТА 1878 ГОДА. **ГОДЪ XX.**

Подписка продолжается.

На послѣдней скачкѣ жеребецъ „Богатырь“ легко перескочилъ чрезъ барьеръ; между тѣмъ какъ жеребецъ „Альбіонъ“ упалъ предъ барьеромъ.

ВА ИВАНА, ДВА ИВАНОВИЧА,

или

ЧТО МОГУТЪ НАДѢЛАТЬ ВИЗИТНЫЯ КАРТОЧКИ.

СКАЗКА.

(Продолженіе).

У Ивана Ивановича молодаго происходилъ пріемъ своего рода.

Проснувшись по утру, онъ позвонилъ человѣка и приказалъ:

— Если пріѣдетъ тутъ чиновникъ одинъ, не отказывай, а попроси подождать и сейчасъ же скажи мнѣ.

— Слушаю-съ.

Человѣкъ вышелъ, а Иванъ Ивановичъ, закуривъ папироску и лежа на кровати, раздумывалъ о томъ, какъ ловко перевернулась его судьба къ благополучію. Человѣкъ вошелъ вновь.

— Что, пріѣхалъ? спросилъ Завалишинъ.

— Да это не чиновникъ-съ.

— А кто же?

— Три женщины-съ.

— Какія женщины?

— Одна говоритъ — тетенька ваша, а двѣ сестрицы.

— О, чтобъ чортъ ихъ передралъ! Давай одѣваться. Иванъ Ивановичъ одѣлся и, выйдя въ залъ, сдѣлалъ недовольную гримассу: передъ нимъ, въ невообразимыхъ чепцахъ и въ платьяхъ, временъ очаковскихъ, предстали три полинялыя граціи, младшей изъ которыхъ было лѣтъ пятьдесятъ.

— Вотъ уроды-то! подумалъ Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ красавецъ-то! подумали „родственницы“ Иванъ Ивановичъ молча поклонился.

— Здравствуйте, батюшка Иванъ Ивановичъ! вотъ и привелъ Господь свидѣться, начача Макрида Петровна, дѣлая къ нему нѣсколько шаговъ. Хоть никогда не видались, а мы васъ завсегда знали, а вотъ вы чай не знаете меня?

— Извините, ей-богу... Да прошу васъ садиться, пожалуйте въ гостиную.

— Да ужь поздороваемтесь, какъ Богъ велѣлъ, развѣ родные-то этакъ встрѣчаются? поцѣлуемтесь.

Иванъ Ивановичъ безъ особеннаго удовольствія перецѣловалъ „родственницъ“ и пригласилъ ихъ въ гостиную.

— Вы чай знаете, какая мы съ вами родня-то кисло-сладко улыбаясь, спросила одна.

— Да чай и въ умѣ-то не держали объ насъ съ такою же улыбкой сказала другая.

— Нѣтъ, а мы о васъ все нѣтъ-нѣтъ да вспомянемъ, нѣтъ-нѣтъ да вспомянемъ, замѣтила третья, а вы и не знаете.

— Ей-богу... знаете... дѣло службы...

— Что говорить, что говорить, согласилась одна, мы съ вами вѣдь это какъ будемъ?

— Ей-ей, не знаю.

— Я не вамъ, я такъ сама съ собою. Вы дядюшку-то вашего—троюродный онъ вамъ, Нила-то Потапыча, помните? Да гдѣ чай помнить, а можетъ помните?

— Нѣтъ... да... право... Кажется помню, да, именно помню.

— Ну вотъ видите. Еще супруга-то у него окривѣла потомъ—онъ ей упокойникъ глазъ выхлестнулъ, и она-то померла, царство небесное. Такъ вотъ этотъ самый Нилъ-то Потапычъ вамъ доводился троюроднымъ дядюшкой, а маменьки моей упокойницѣ приходился троюродный братъ. И выходитъ мы съ вами... какъ же это?

— Такъ-съ, очень можетъ быть, ни къ селу ни къ городу, согласился Иванъ Ивановичъ.

— Да, такъ-съ, значитъ вы мнѣ братцомъ приходитесь. За первой, начала объяснять свое родство вторая, за второй третья, затѣмъ „родственницы“ заспорили, не зная какъ „своими счесться“, Иванъ Ивановичъ только и слышалъ, что слова: двоюродный, да троюродный, упокойникъ, да упокойница, и, куря папиросу за папиросой, не зналъ, когда окончится чай и визитерши уберутся. А онѣ какъ на зло, которая нибудь выпьетъ чашку прикроетъ и поблагодаритъ:

— Благодарю васъ, Иванъ Ивановичъ.

— Что же, кушайте еще, вскользь предложитъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, ужь будетъ, благодарю васъ.

— Ну, какъ угодно.

— Развѣ послѣднюю.

Наконецъ чай кончился и посѣтительницы, памятуя наказъ Агриппины Власьевны, не сидѣть долго, стали прощаться, говоря:

— Еще бы посидѣли, да признаться недосужно.

— Прощайте, благодарю васъ, говорилъ Иванъ Ивановичъ, выходя за двери залы и съ гримасою смотря, какъ три его „родственницы“ торопливо

шмыгали къ передней, подхватывая пятками подолы своихъ платьевъ.

— Семенъ! крикнулъ онъ человѣку, когда дверь за гостями захлопнулась, если еще эти мадамы явятся, отказывай, говори дома нѣтъ.

— Слушаю-съ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Иванъ Ивановичъ молодой попадаетъ въ племянники къ чужой теткѣ. Иванъ Ивановичъ старый угодилъ въ кавалеры къ чужой дамѣ.

Если читатель помнитъ начало сказки, то я попрошу его принять къ свѣдѣнію слова молодаго Ивана Ивановича, сказанныя имъ по поводу его переѣзда въ Зарѣчинскъ, слова эти были: „кстати тамъ живетъ и Настя, чего лучше? все-таки для начала и романчикъ имѣется“. Слова эти вызваны были слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ Зарѣчинскѣ проживалъ отставной чиновникъ Силантій Степановичъ Перочининъ, выжига естественная, выгнанный изъ службы за разныя продѣлки и едва не угодившій подъ судъ. Жилъ Силантій Степановичъ со старухой женой и дочерью Настенькой. Лишившись удовольствія обворовывать казну, Перочининъ заручился другою линіей: удовольствіемъ ему служило придираться къ женѣ, а еще больше къ дочери, упрекая ее каждый день, что она обуза, что она не съумѣетъ выйдти замужъ и сидитъ въ дѣвкахъ, объѣдая и опивая отца, которому и такъ нечѣмъ жить. Послѣднее Перочининъ вралъ; но безъ этой прикрасы придирки его не имѣли бы такой силы и не доставляли бы ему полнаго удовольствія. За нѣсколько мѣсяцевъ до полученія молодымъ Иваномъ Ивановичемъ наслѣдства въ Зарѣчинскѣ, а слѣдовательно и до переѣзда его въ этотъ городъ, Настенька съ матерью по дѣламъ была въ Пустомельскѣ. Тамъ она познакомилась, безъ вѣдома матери, съ Завалишинымъ, скоро дѣло дошло до любви и до иныхъ прочихъ миндальностей, но наступило время отъѣзда и влюбленные должны были разстаться. Прощаясь, Настенька оставила свой адресъ, прося его писать ей; но корреспондировать Иванъ Ивановичъ не собрался, и романъ рисковалъ оборваться на первой главѣ; какъ вдругъ Иванъ Ивановичъ получилъ наслѣдство и переводъ въ Зарѣчинскъ. Тутъ онъ вспомнилъ о Настѣ и произнесъ вышеприведенныя слова. Проводивъ мнимыхъ тетокъ и оставшись одинъ, Иванъ Ивановичъ закурилъ папироску, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, хлопнувъ въ ладоши, проговорилъ:

— А что, не заняться ли Настей? Займусь.

Иванъ Ивановичъ сѣлъ къ письменному стол[illegible] и написалъ слѣдующее письмо:

„Душка, Настя, я тебя люблю такъ-же, какъ лю[illegible]билъ въ Пустомельскѣ. Въ настоящее время я в[illegible] Зарѣчинскѣ, переведенъ сюда на должность пра[illegible]вителя канцеляріи губернатора. Не найдешь ли[illegible] голубка, возможнымъ повидаться со мною, конечн[illegible] потихоньку отъ родителей. Твой навсегда. При[illegible]лагаю свою карточку.“

Написавъ это письмо, Иванъ Ивановичъ отыскал[illegible] у себя адресъ Насти, подписалъ его на конвертѣ[illegible] вложилъ карточку и отослалъ съ человѣкомъ, при[illegible]казавъ поаккуратнѣе передать барышнѣ и попро[illegible]сить отвѣта. Иванъ Ивановичъ молодой и не по[illegible]дозрѣвалъ, то къ его предмету помчалась кар[illegible]точка Ивана Ивановича стараго.

Семенъ скоро возвратился и объявилъ, что письм[illegible] онъ отдалъ нянькѣ, что оно подано въ руки ба[illegible]рышнѣ, что же касается отвѣта, то пришлют[illegible] какъ только найдутъ удобнымъ.

А письмо это постигла участь такого рода.

Нянька, взявъ письмо отъ Семена, понесла е[illegible] къ Настенькѣ, но въ одной изъ комнатъ наткну[illegible]лась на самого Перочинина.

— Что это? спросилъ онъ.

— Письмо-съ къ барышнѣ.

— Дай сюда.

Перочининъ взялъ письмо и прочелъ адрес[illegible] Съ точки зрѣнія Силантія Степановича распеча[illegible]тать и прочесть письмо, адресованное дочери, был[illegible] не только не предосудительно, но даже было об[illegible]зательно для родителя. Такъ онъ и сдѣлалъ. П[illegible] началѣ письма онъ нахмурился, но, прочтя: „пере[illegible]веденъ на должность правителя канцеляріи губе[illegible]натора“ и на карточкѣ: „на Дворянской улиц[illegible] собственный домъ“, возымѣлъ „свои соображені[illegible] и, сложивъ письмо, сказалъ нянькѣ:

— Кто это принесъ?

— Человѣкъ какой-то.

— Ждетъ отвѣта?

— Да-съ, ждетъ.

— Ну, такъ скажи, что письмо передано ба[illegible]рышнѣ, а что отвѣтъ пришлютъ, когда найду[illegible] удобнымъ. Такъ и ск[illegible]и.

— Слушаю, батюш[illegible]

Затѣмъ Перочининъ [illegible] къ женѣ, п[illegible]звалъ дочь и о чемъ-т[illegible]и бесѣдовал[illegible]

— Такъ сказали, ч[illegible] отвѣтъ? спр[illegible]силъ Иванъ Иванович[illegible]мена.

— Точно такъ-съ.

— Отлично. Смотри же, если кто придетъ, сейчасъ скажи мнѣ.

— Слушаю-съ.

Прошло немного времени, Семенъ вошелъ въ комнату.

— Сударь, старуха пришла, сказалъ онъ.

— А! ну, ладно, зови ее сюда.

Старуха вошла, низко кланяясь и приговаривая:

— Здравствуйте, батюшка, Иванъ Ивановичъ, здравствуйте, красавецъ нашъ!

— Здравствуй, матушка, здравствуй, что ты письмо принесла?

— Нѣту, батюшка, нѣту, на словахъ приказали сказать, ждутъ онѣ больно, сичасъ пожалуйте, у нѣ онѣ нынче, никого не будетъ, приказала сказать, что соскучилась очень по васъ, ждетъ и не дождется.

— Никого, говоришь, не будетъ?

— Никого, батюшка, никого, одна она будетъ.

— Ну, ладно, такъ мнѣ чтобы не спутаться, поѣдемъ вмѣстѣ съ тобой.

— Слушаю, батюшка.

„Займемся Настенькой“, думалъ Иванъ Ивановичъ, выходя со старухой изъ воротъ и садясь въ пролетку и пріѣхалъ прямо таки къ слѣпой Агриппинѣ Власьевнѣ, которая, помня свое обѣщаніе, послала звать племянника.

„Что же это старая корга сказала, что никого не будетъ“, подумалъ Иванъ Ивановичъ, входя въ комнату и увидавъ сидѣвшую въ большихъ креслахъ слѣпую старуху.

— Здравствуй, Иванъ Иванычъ, здравствуй, мой соколъ ясный, говорила межъ тѣмъ старуха, подико мнѣ, племянникъ дорогой!

„Опять тетка!“ подумалъ Завалишинъ, подходя къ старухѣ, „и какъ она узнала мой адресъ? а, это вешнія трещетки, понимаю“, догадался онъ и, подойдя, честь честью проговорилъ:

— Здравствуйте, тетенька.

— Ну, поцѣлуемся, племянничекъ.

Поцѣловались.

— Вѣдь я тебя, Ванюша, сегодня обѣдомъ кормить хочу.

— Очень радъ, тетенька, процѣдилъ Иванъ Ивановичъ, а самъ подумалъ: извольте радоваться, мѣсто хорошенькой Настеньки пришлось дѣлить время со слѣпой старухой—мило!

— Поговорить мнѣ съ тобой, Ванюша, надо, я нарочно и принимать не велѣла къ обѣду этихъ, что у тебя сегодня утромъ-то были.

— „Ну, такъ и есть, подумалъ Иванъ Ивановичъ, ахъ, трещетки проклятыя! этакъ мнѣ здѣсь родни-то не обобраться“.

— Видишь что, Ванюша, родни-то у тебя всей здѣсь только и есть, что я да тѣ три...

„Слава Богу“, подумалъ Завалишинъ.

— Ну, вотъ, я тебѣ и хочу сказать. Я очень рада, что ты сюда перебрался, потому—жизнь моя здѣсь самая плачевная. Я слѣпа, а эта родня такъ и смотритъ, такъ и глядитъ, какъ бы, да чтобы... И помогаю я имъ, а правду сказать, ни на грошъ не вѣрю, даже боюсь ихъ. Стукнетъ что гдѣ, все думается, не въ коммодъ ли забрались, не въ столъ ли, не въ сундукъ ли, не въ шкафъ ли. Вотъ ты-то пріѣхалъ, я теперь и рада. Видишь, есть у меня деньженочки, небольшія онѣ, а все таки есть. Мнѣ онѣ ненадобны, а тебѣ пригодятся, а на тебя я надѣюсь, что ежели и умру я, то ты меня похоронишь. Такъ ли, *Ванюша*?

— Это, конечно, тетенька, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ, а самъ подумалъ: дѣло-то начинаетъ принимать совсѣмъ недурной оборотъ.

— Ну, погоди же, сейчасъ я,—сказала, поднимаясь съ мѣста, старушка. Она ощупью подошла къ коммоду, достала изъ него свертокъ, и подавая его Завалишину, сказала:

— Вотъ, Ванюша, тутъ пять тысячъ, возьми ихъ, голубчикъ.

„Голубчикъ“ взялъ деньги и поцѣловалъ „тетку“.

— Ну, теперь пойдемъ обѣдать, сказала Агриппина Власьевна.

Пообѣдавъ и посидѣвъ послѣ часика два-три, Иванъ Ивановичъ уѣхалъ, давъ слово навѣщать „тетку“ какъ можно чаще.

— Вотъ такъ благодать! разсуждалъ Иванъ Ивановичъ молодой, ѣхавши домой, эти провинціяльныя тетушки—сущій кладъ.

Что же подѣлывалъ въ это время Иванъ Ивановичъ старый?

А вотъ что.

Разставшись послѣ обѣдни съ чиновниками, онъ вернулся домой, пообѣдалъ, легъ спать и проспалъ до тѣхъ поръ, пока смерклось.

— Авдотьюшка! крикнулъ онъ.

— Что, батюшка, что, сударь? откликнулась та, входя въ комнату.

— Поставь-ко самоварчикъ.

— Слушаю, сударь, слушаю-съ.

Авдотья ушла, но скоро вернулась.

— Что ты?

— Тамъ, сударь, женщина, старушка, васъ спрашиваетъ.

— Какая женщина?

— Не знаю, видѣть васъ желаетъ.

— Ну, зови ее сюда.

Иванъ Ивановичъ старый, поднялся съ дивана, и ждалъ; въ комнату вошла старуха.

— Что тебѣ нужно, матушка? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Не знаю, сударь, туды ли попала-то, говорила старуха, стара стала. Это вотъ твоя что ли, сударь, грамотка-то?

Старуха подала карточку, Иванъ Ивановичъ прочелъ свое имя и фамилію.

— Моя, отвѣтилъ онъ.

— Такъ къ намъ, сударь, сейчасъ пожалуйте со мной вмѣстѣ, безъ васъ и ворочаться заказали.

„Тетенька прислала“, подумалъ Иванъ Ивановичъ и сказалъ:

— Ну, хорошо, хорошо, подожди поди тамъ, я сейчасъ.

Собравшись и выйдя со старухой изъ воротъ, Иванъ Ивановичъ хотѣлъ взять извощика, но старуха замѣтила:

— И, батюшка, да извощика-то проищешь дольше, чѣмъ пѣшіе дойдемъ, вѣдь это тутъ сичасъ въ переулкѣ.

— Да вѣдь это далеко отъ сюда.

— Нѣтъ, батюшка, здѣсь.

Иванъ Ивановичъ не протестовалъ и пошелъ за старухой. Прошли два-три переулка и вошли въ калитку, потомъ старуха повела Ивана Ивановича темнымъ корридоромъ, гдѣ онъ шелъ держась одной рукой за старуху, а другой шаря передъ лбомъ въ воздухѣ, поднялись по темной узенькой лѣстницѣ и опять пошли по корридору.

— Хоть бы ты, старуха, огоньку принесла, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Нельзя, сударь, не приказано, отвѣтила старуха и затѣмъ, отворивъ дверь, пропустила впередъ себя Повалишина, прибавя: „здѣся, пожалуйте.“ Дверь затворилась, и Иванъ Ивановичъ один въ непроглядномъ мракѣ, не зн ничего не видя. Посте мѣстѣ, онъ, растоп ногъ отъ полу, т старая квашня, д тилась подать огн некодда, двѣ мягкія, нѣжныя руки обняли Ивана Ивановича и Настенька шепча: „Ваня, милый, наконецъ-то ты со мной!“ повисла у него на шеѣ. Иванъ Ивановичъ не понималъ, въ чемъ дѣло, между тѣмъ какъ Настенька надѣляла его поцѣлуями. Вдругъ дверь отворилась и на порогѣ, со свѣчей въ рукѣ, явился Перочининъ и за нимъ жена. Настенька вскрикнула и закрывъ лицо руками упала на диванъ, а Иванъ Ивановичъ растопыривъ руки и разинувъ ротъ, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на представившуюся ему картину.

— Что это значитъ? крикнулъ Перочининъ.

— По ночамъ шататься, по дѣвичьимъ спальнямъ? вторила жена.

— Зачѣмъ вы здѣсь, а? кричалъ Перочининъ.

— Какія штуки выдумалъ, а! не отставала жена.

— Да говорите же, какъ вы попали въ спальню моей дочери?! поставивъ свѣчу и тряся Ивана Ивановича за воротъ, кричалъ Силантій Степановичъ.

— По... по...постойте, по... по... по...звольте... что вы... вырывался тотъ.

— Нѣтъ, ужь если такъ, милостивый государь, такъ извольте загладить вашъ проступокъ: вы оскорбили и осрамили мою дочь, такъ не угодно ли вамъ жениться на ней?

Иванъ Ивановичъ оторопѣлъ.

— Жениться!... Какъ жениться? Чѣмъ я оскорбилъ и осрамилъ вашу дочь? Мнѣ не нужна ваша дочь, мнѣ нужна Агриппина Власьевна.

Настенька подняла голову.

— Папаша, это не тотъ, ей-богу не тотъ! крикнула она.

— Какой же это?

— Не знаю какой, только не тотъ: тотъ молодой, а это старый.

— Я вамъ даю слово, что я не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній, сказалъ Иванъ Ивановичъ, за мной прислала моя тетка, я отправился къ ней и какъ это все случилось, ей-ей, не понимаю.

— Непо Перочининъ, ну, если уже дочь что вы не тотъ, васъ не заде

азали ни письма, ни карточки, а только объяснили, то дѣлать, я то и дѣлала.

— Непонятно!

Выбравшись изъ воротъ дома Перочинина, Иванъ вановичъ старый пожалъ плечами, развелъ руами и прошептавъ „непонятно!“ тихо побрелъ по лицѣ.

И. Вашковъ.

(*До слѣдующ. №*).

ПОРЪ

Устремивши къ интересамъ
Ненасытный взоръ,
Альбіонъ повелъ съ прогрессомъ
Превеликій споръ.
— «Я слуга твой самый рьяный,—
Молвилъ Альбіонъ:
Подъ моею лишь охраной
Задаешь ты тонъ.
Есть свобода всѣмъ сужденьямъ
У меня въ странѣ,
Многимъ лучшимъ учрежденьямъ
Ты обязанъ мнѣ.
У меня лишь разсвѣтаетъ
Всѣхъ наукъ заря,
Корабли мои, свѣтъ знаетъ,
Бороздятъ моря.
Торгъ британскаго народа
Обнялъ цѣлый свѣтъ,
И кому нужна свобода—
Здѣсь отказа нѣтъ.
Всѣ полезныя стремленья
Мной поощрены,
Въ этомъ смыслѣ безъ сомнѣнья
Лучше нѣтъ страны.
Здѣсь очагъ научныхъ знаній,
Я могу быть гордъ—
Не боятся состязаній
Кембриджъ и Оксфордъ!
Прогрессивно всѣ заводы
Идутъ у меня,
Знаютъ въ мірѣ ихъ народы,
Высоко цѣня
деалъ для всѣхъ полицій
И Я лишь учредилъ,
М ныхъ экспедицій
о снарядилъ.
Прогр
-Мчу руяся
Смотритъ цѣлый свѣтъ.
Да, повѣрь, слуги такого
У тебя, братъ, нѣтъ!»
— «Не хвались еще заранѣ,—
Возразилъ прогрессъ,—
Ты таишь, мой другъ, въ туманѣ
Свой лишь интересъ.
Прогрессивныя идеи
Цѣнишь на гроши
Всѣ твои, дружокъ, затѣи—
Только барыши.
Въ наши дни къ свободѣ жадно
Весь стремится міръ,
Ты одинъ лишь безпощадно
Давишь тотъ кумиръ.
Другъ свободы!... Но на дѣлѣ
Пораскинь умомъ:
Ты Ирландію доселѣ
Держишь подъ ярмомъ.
Новый Свѣтъ когда вериги
Съ негровъ гордо снялъ,
Не щадя тогда интриги,
Ты ему мѣшалъ.
Торгашей британскихъ стая
Знать себя даетъ:
Чтобъ губить народъ Китая,
Опіумъ везетъ.
Ты застылъ въ сухомъ расчетѣ,
Совѣсть затая
И въ тяжеломъ гибнетъ гнетѣ
Индія твоя.
Ты во всемъ, братъ, одинаковъ,
Вспомни хоть про то:
Въ землю дикую Джоваковъ
Вторгся ты за что?...
Прогрессистъ въ рѣчахъ великій
Ты ихъ просвѣтилъ...
Ты мечемъ и джиномъ дикій
Людъ поработилъ!
Торгаша разсчетъ рутинно
Устремляя въ даль,
Дерзко арміей безвинно
Занялъ Трансвааль.
Та республика прекрасно
Безъ тебя цвѣла,
Занялъ ты ее, всѣмъ ясно,
Чтобъ доходъ дала.
Возрожденья на Балканѣ
Занялась заря,
Поднялися всѣ Славяне,
Доблестью горя.
Конченъ мѣрою иною
Былъ вопросъ бы тотъ,—
одинъ смутилъ—войною
счетъ!
ю

Что ты мой слуга?
Намъ съ тобою, братъ, ужиться—
Пѣсенка долга...
Нѣтъ, пріятель, для прогресса
Ты гроша не дашь:
Ты слуга лишь интереса,
Льстецъ ты и торгашъ!»
Былъ смущенъ укоромъ рьянымъ
Рыжій Альбіонъ
И закутался туманомъ
Отъ прогресса онъ.

И. Вашковъ.

Михѣй Семеновичъ офранцузился

масляничный анекдотъ, очень похожій на фактъ.

„Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ".
Пословица.

Михѣй Семеновичъ Кузовкинъ велъ довольно порядочную торговлю, имѣлъ и фабричку исправную, становъ этакъ на триста, и дѣло заведенное по ярмаркамъ, и кредитомъ хорошимъ пользовался. Михѣй Семеновичъ былъ мужикъ не промахъ и кредиторы отлично хорошо помнили, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кузовкинъ слазилъ къ нимъ въ карманъ, да такъ аккуратно слазилъ, что, какъ говорится,—комаръ носа не подточитъ. Этому минуло нѣсколько лѣтъ и вдругъ передъ нынѣшней масляницей въ торговомъ кружкѣ Кузовкина разнесся слухъ, что Михѣй Семеновичъ задумалъ вновь кафтанъ выворотить.

— Что-жь—дѣло торговое, разсуждали кредиторы,— что мудренаго, кто его знаетъ, что у него на душѣ, нужно держать ухо остро.

Однако время проходило, Михѣй Семеновичъ торговалъ попрежнему, пришла и масляница и ничего похожаго на выворачиваніе кафтана не оказывалось.

— Такъ, пустой слухъ пустилъ кто нибудь, рѣшили кредиторы и успокоились.

Наступила масляница.

Михѣй Семеновичъ былъ черноватый м
сорока пяти. Скромная прическа въ скобочку,
борода, долгополый сюртукъ и дутые сапог
въ Кузовкинѣ купца самаго степеннаго п
этому прибавлю, что Михѣй Семеновичъ пр
къ самому ядру старообрядчества и молился, к
рится, большимъ крестомъ, толстой молитвой.

Однако все это, и наружная степенная обстан
внутренній старообрядческій законъ, не мѣшали
ину быть человѣкомъ общественнымъ, не отс
отъ компаніи, подчасъ повеселиться очень лихо и не въ урочный день оскоромиться, конечно не разбалтывая объ этомъ всѣмъ и каждому.

Четвергъ Сырной недѣли.

Въ кухнѣ Кузовкина кухарка то и дѣло подбалтываетъ блинную опару; въ столовой нянька готовитъ столъ для блиновъ, супруга Михѣя Семеновича, Дарья Васильевна, тоже не безъ хлопотъ. То въ харчевой шкафъ въ сѣни выбѣжитъ, что нибудь изъ закусокъ принесетъ, то въ кухню кинется, наказы кухаркѣ дѣлаетъ. Самъ Михѣй Семсновичъ попилъ чайку и ходитъ въ ожиданіи блиновъ изъ угла въ уголъ по комнатамъ.

Зашелъ онъ и въ столовую, уставленный разными снѣдями и выпивками столъ привлекъ его вниманіе.

— Эхъ, жалко, никого не звали на сегодня! тихо проговорилъ Михѣй Семеновичъ,—хучь бы такъ невзначай подъѣхалъ кто, все бы какъ будто съ компаніей-то и поѣлось охотнѣй.

Но вотъ наконецъ блины готовы и семья Кузовкина усѣлась за столъ.

Михѣй Семеновичъ съѣлъ уже никакъ десятый блинъ, предпославъ ему рюмку очищенной и сопровождая его рюмкой «легонькаго», а такъ какъ эти сопровожденія и предпосланія были за каждымъ блиномъ, то и ясно, что Михѣй Семеновичъ былъ уже, такъ сказать, на второмъ взводѣ. Вдругъ ворота дома Кузовкина отворились, зазвенѣли бубенчики и на дворъ въѣхала разукрашенная тройка. Въ саняхъ сидѣли трое купцовъ. Михѣй Семеновичъ бросился къ окну, узналъ пріятелей и возрадовался. Торговыхъ дѣлъ съ пріѣхавшими Кузовкинъ хотя и не имѣлъ, но водилъ съ ними компанію, одѣвались они хотя и «понѣмецкому», но были друзьями и собутыльниками Михѣя Семеновича. Пріѣздъ такихъ гостей былъ какъ нельзя болѣе кстати. Обмѣнявшись привѣтственными возгласами и лобызаніями, пріятели вчетверомъ усѣлись къ столу и пошло пированье. Блинъ за блиномъ, рюмка за рюмкой и скоро собесѣдники находились уже въ самомъ высокомъ градусѣ.

— Ты слышь, ты, Михѣй Семенычъ, чуешь ли, за какимъ дѣломъ мы къ тебѣ пріѣхали! кричалъ одинъ.

— Чего за дѣломъ! отвѣчалъ Кузовкинъ,—развѣ на
за дѣлами ѣздятъ. Ты пей.
хватилъ другой,—какія таперь дѣла!
Семенычъ, мы чево за-

— Въ Стрѣльную! предложилъ Кузовкинъ.

— Чего… рано въ Стрѣльну, погоди, такъ кое-гдѣ по Москвѣ поболтаемся.

— Гдѣ же болтаться-то?

— Въ клубъ заѣдемъ.

— А тамо-де въ экомъ-то костюмѣ пущаютъ ли? освѣдомился Кузовкинъ.

— Конечно пустятъ.

— Да ты вотъ што: ты, Михѣй Семенычъ обрѣйся, предложилъ одинъ изъ компаніоновъ.

— Поди ты, эна што выдумалъ!

— Да ты што? Я те не шутя, ей-ей, право. Таперь какъ тебѣ, стало быть, морду устроютъ по новому, сичасъ ко мнѣ, фракъ, ай сюртукъ мой надѣнешь, а мы съ тобой какъ разъ. Покрайности потѣхи что—стрась!

— Нѣтъ, протянулъ Михѣй Семеновичъ.

— Чево нѣтъ, Михѣй Семенычъ, вмѣшался другой,— на утро переодѣнешься и баста.

— А бороду-то гдѣ я на утро возьму?

— Ну, бороду, бороду можно оставить какъ есь, посовѣтовалъ третій.

— Вотъ такъ-то ладно, согласился Кузовкинъ,—што бы то-ись причесаться и одѣться по новому я согласенъ, а бороду штобы—ни-ни.

— Ну, ладно, вернемся—выпьемъ.

Вернулись, выпили и пустились къ парикмахеру.

Минуты въ двѣ, въ три степенная скобочка Кузовкина замѣнилась прической капуль.

— Михѣй Семенычъ! окликнулъ его одинъ изъ друзей.

— Ась?

— Вали, братъ, бороду.

— Ну!

— Чего—ну? Смотри, ты теперь ни то, ни се сталъ, ей-ей, право. Стриги его!

— По-стой, замоталъ руками Кузовкинъ.

— Чего стоять-то, стриги!

— Ну ужь, стриги, жидъ те дери! согласился Кузовкинъ.

Борода была острижена и обрита, на усы положенъ hangroise и Михѣй Семеновичъ всталъ передъ зеркаломъ молодецъ-молодцомъ.

— Ишь ты, проваль те возьми! воскликнулъ онъ, посмотрѣвъ на себя въ зеркало.—Братцы! продолжалъ Кузовкинъ,—чево-жь это я надѣлалъ-то? Какъ я таперь домой къ женѣ-то покажусь? А?

— Ничего! важное дѣло!

Но дѣлать было нечего и компанія отправилась къ [illegible]дному изъ пріятелей переодѣвать вновь «офра[illegible] [illegible]аго». Дутые сапоги и вся руса[illegible] [illegible]ина замѣнена была фра[illegible]

Кузовкинъ [illegible]

— Похожъ! покачалъ тотъ головою,—нешто Кузовкинъ-то носитъ фраки? опять же этотъ безъ бороды.

— Што нужды? бороду обрить не долго, я тебѣ вѣрно говорю, што это Кузовкинъ. Михѣй Семенычъ! крикнулъ купецъ. Кузовкинъ оглянулся, тѣ удивились и подошли къ нему.

— Што это вы на новый ладъ ужь нынче?… спрашивалъ одинъ, оглядывая его.

— Да… такъ это… замялся тотъ.

— Такъ-съ… дѣло хорошее.

Отдѣлавшись отъ купцовъ, Кузовкинъ отыскалъ свою компанію и уѣхалъ съ нею въ Стрѣльну.

— Ты видѣлъ Кузовкина? спрашивали двое видѣвшихся съ Кузовкинымъ купцовъ третьяго.

— Нѣтъ.

— Онъ здѣсь. Да ты слышь, во фракѣ, безъ бороды, по модному причесанъ и усы тараканомъ.

— Врите больше!

— Вѣрное слово, ей-ей, право, сами видѣли, говорили съ нимъ, да пойдемъ, мы тебѣ его покажемъ.

Пошли искать Кузовкина, но поиски были тщетны: Михѣя Семеновича въ клубѣ ужь не было.

— Дѣло не хвали, замѣтилъ одинъ изъ купцовъ,— это онъ съ фортелью.

— Это вѣрно, согласился другой,—бѣжать задумалъ, давно поговаривали, што онъ тово… А тутъ ему и времято подходящее—пятницу, субботу и воскресенье не торгуютъ, это ему и на руку—не хватятся, а онъ въ три дня будетъ далеко.

— Это пожалуй и такъ; ахъ ты, жидъ его дери! а мнѣ онъ долженъ тысячи три.

Въ Стрѣльнѣ Кузовкинъ вновь наткнулся на знакомую компанію и, чтобы избѣжать толковъ, ушелъ съ товарищами въ отдѣльную комнату.

Домой вернулся Кузовкинъ только подъ утро.

Жена съ просонья смертельно перепугалась, увидавъ около себя импровизированнаго француза, но когда узнала въ этомъ французѣ своего сожителя, сѣтованіямъ и причитаніямъ не было конца.

Проснувшись утромъ, Михѣй Семеновичъ, по обыкновенію желая погладить бороду, съ недоумѣніемъ схватился за голый подбородокъ. Какъ бы не вѣря въ отсутствіе бороды, онъ вскочилъ съ постели и въ одномъ бѣльѣ подбѣжалъ къ зеркалу…

Положеніе сторообрядца-модника было зазорное. Чтобы [illegible]ся толковъ и пересудовъ, Михѣй Семеновичъ [illegible]льнымъ и не велѣлъ принимать никого. А [illegible] на другой же день въ торговомъ мірѣ про[illegible] что Михѣй Семеновичъ не платитъ, обрился, [illegible]ѣмецкое платье и сбѣжалъ. Кое-кто изъ [illegible]желая узнать истину, пустились къ нему [illegible]хъ не приняли. Дѣло было ясно—Ку[illegible]ъ.

[illegible]омъ дошли до Михѣя Семеновича и, чтобы [illegible]вое расшататься дѣло, онъ рѣшился безъ [illegible]ическѣ капуль выѣхать «въ городъ» и [illegible] кредиторами. Велико было смущеніе Ку[illegible] онъ показался въ люди въ непривычномъ [illegible] и много смѣху было между его знакомыми.

Шапка-Невидимка.

Телефонныя депеши отовсюду

ЛОНДОНЪ. Въ газетѣ «*Дѣльной*» сообщаютъ, что знаменитый Израэль Биконсфильдъ пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что «*Rule* Brittania» вовсе не подходитъ къ русскому пароходу «*Россія*» пароходъ этотъ никакъ британскаго «*руля*» не слушается.

—

ЛОНДОНЪ (*въ Малой Морской*). Газета «*Штандартъ*», ударившись съ горя въ стихоплетство, восклицаетъ:

«*О Бриттъ!* какъ ты *обритъ* жестоко!
О *Буль-догъ* ты беззубый сталъ!
Направь хоть на *Египетъ* око,
Когда *Стамбулъ* ужь прозѣвалъ!»
— Ахъ, нѣтъ! не взять Египта съ бою,—
Столкнешься съ *Жакомъ* тамъ какъ разъ,
Да и *погубленный другъ* мною
Не спуститъ *новыхъ* мнѣ проказъ!
Тутъ,—какъ никакъ,—придется драться,
А *левъ* мой къ дракѣ неохочъ,
На *беззащитныхъ* лишь кидаться
Онъ *храбро* никогда не прочь.

ОТТУДА ЖЕ. Нашъ наисобственнѣйшій корреспондентъ (изъ Большой Подъяческой) увѣдомляетъ, что главная торговая лондонская фирма «*Израель Терпи и К°*», подражая *блажной* памяти воеводѣ Пальмерстону, ухитрилась *поразить* своимъ вѣчно грозящимъ *интереснымъ перстомъ* уже три свои родныя, очень крупныя торговыя фирмы: «Willy Percival & C°», «Gerussi brathers & C°», и «M. Lasa & C°»,—то-есть наступила ногой на *загребательный* конецъ *своей же* кочерги и рукояткой оной *здорово* хватила *себя же* по лбу!—О, храбрѣйшій изъ храбрыхъ *Израэль!* Вотъ что называется: торговали—веселились, сосчитали—прослезились: и въ карманѣ тонко, и во лбу-то звонко!

ИЗЪ БОСФОРА. Все населеніе Босфора на дняхъ было страшно взволновано. Къ нимъ на головы свалился тяжеловѣсный мѣшокъ, завязанный сверху мертвою петлею. Всѣ рыбы переполошились; пошли *нѣмые* толки и конференціи, и наконецъ большинствомъ *безгласныхъ* голосовъ было рѣшено, что въ мѣшкѣ спущены къ нимъ вѣроятно «*англійскіе интересы*», хотя мѣшокъ-то по клейму и турецкій, но вѣдь кому не извѣстно, что вѣдь «*англійскіе интересы*» всегда въ *чужихъ* мѣшкахъ заключаются!—Немедленно послали за дѣдушкой *Краббомъ*, какъ за господиномъ, *изстари* находящимся въ интимной связи съ *англійской политикой*. Краббъ явился, живо перерѣзалъ *правою* клешнею узелъ веревки и вытащилъ изъ мѣшка... непобѣдимѣйшаго изъ побѣжденныхъ *гази Сулеймана-пашу*!... «Вотъ такъ закуска!» прошепталъ дѣдушка Краббъ, ударивъ себя клешнями по ребрамъ, и живо юркнулъ въ глубь сзывать на славный пиръ свою многочисленную фамилію.

—

ПЕТЕРБУРГЪ. Въ одномъ изъ здѣшнихъ страховыхъ Обществъ общее собраніе акціонеровъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ постановило: лишивъ довѣрія одного изъ директоровъ своего правленія, *во избѣжаніе сильнаго пожара*, спустить по *спасительной лѣстницѣ* на улицу, т. е., говоря проще, вовсе устранить отъ дѣлъ Общества. Но *страховой* директоръ оказался рыцаремъ *безъ страха*, хотя и не безъ упрека; онъ, надѣлавъ въ кассовомъ ящикѣ разныхъ траншей и волчьихъ ямъ и, вооружась массивнымъ кассовымъ ключемъ, засѣлъ въ сформированной имъ на скорую руку крѣпости и, *не краснѣя*, заявилъ оттуда, что хотя онъ и не заслужилъ довѣрія акціонеровъ, но выходить изъ кассовой крѣпости не намѣренъ, а будетъ *насильно* дослуживать еще три, положенные ему года. Такъ ничего *страховые* акціонеры и ни подѣлали, *устрашились*, значитъ! Вишь, какъ укрѣпился, разбойникъ, словно Османъ-паша въ покойной Плевнѣ. Думаютъ, впрочемъ, подождать возвращенія гвардіи изъ похода и ужь при ея посредствѣ взять безстыжаго *рыцаря кассы* штурмомъ, только бы по тѣхъ поръ, какъ нибудь, самъ онъ не сдѣлалъ *вылазки* со всѣмъ *крѣпостнымъ имуществомъ*; тогда по неволѣ ужь *однимъ* въ бой вступить придется!

—

ОДЕССА. Во-время салюта съ одесскихъ баттарей по случаю заключенія мира съ Турками, *нѣкоторые* англійскіе корабли, стоявшіе на здѣшнемъ рейдѣ *спустили* свои *флаги*, что, вѣроятно, означало: *сдачу англійскихъ интересовъ* или *смерть Израэльской политики*, такъ какъ на морскомъ переговорномъ языкѣ всѣхъ націй *полное опущеніе* флага кораблемъ—означаетъ: *сдачу* въ плѣнъ, а *полуопущеніе: нахожденіе* на судахъ *покойника*; въ настоящемъ случаѣ скорѣе надо понимать послѣднее, ибо *на одной части* англійскихъ судовъ флаги опускались, *на другой* же нѣтъ, слѣдовательно происходило *полуопущеніе* флаговъ.—Sic transit gloria mundi!

Съ слышаннымъ вѣрно.

Телефонистъ А. Лидинъ.

Письмо къ редактору

М. Г.!

Зная безпристрастное, строго-политическое направленіе журнала «Развлеченіе», мы рѣшились писать къ вамъ, въ полной увѣренности, что вы не оставите безъ вниманія нашего письма и дадите ему мѣсто на столбцахъ вашего уважаемаго журнала. Извѣстно всему міру, что мы, Англичане, относимся къ Русскимъ съ чувствомъ искренняго дружелюбія и братства, что и доказано нами въ минувшую войну Русскихъ съ Турціей. Мы посылали туркамъ наши пушки и снаряды, наши деньги, нашихъ офицеровъ; мы старались поддержать турокъ и матеріяльно, и нравственно. Для чего мы дѣлали это? Единственно потому дѣлали мы это, что знали, что, дѣлая борьбу для Русскихъ болѣе тяжелою, мы вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали торжество побѣды болѣе блестящимъ. Поколотить разбитую собственною безурядицей Турцію для Россіи было легко, но поколотить Турцію, поддержанную Англіей, требовало нѣкоторыхъ усилій. Для великой державы нужны и великіе подвиги. Подвиги эти совершены, и Россія получила всемірную славу, но не благодаря ли намъ добыта эта слава? Не нами ли устроены многія трудности, которыя преодолѣла Россія? Мы не требуемъ за это матеріальнаго вознагражденія, но намъ было бы крайне прискорбно, если бы Русскіе забыли это и не сочли нужнымъ поблагодарить насъ нравственно. Вѣдь мы въ этомъ случаѣ побратски поступились своимъ политическимъ авторитетомъ, давъ возможность великой державѣ, вмѣсто простой войны, выдержать борьбу великую. Кромѣ того, поколотивъ Турокъ, Россія поколотила насъ, скрывшихъ свое «я» за спинами Турокъ. Русскій солдатъ, такъ сказать, одною рукой колотилъ Турка, другою—Англичанина.

Между тѣмъ за все наше истинно братское отношеніе къ Русскимъ, они злоупотребляютъ нашею добротою и всюду, гдѣ только возможно, затрогиваютъ наши интересы. Справедливо возмущенный этимъ до глубины души (чтобы понять всю глубину, прошу принять во вниманіе, что душа у меня въ настоящее время въ пяткахъ), я счелъ нужнымъ написать къ вамъ, г. редакторъ, въ полной увѣренности, что вы напечатаете мое письмо. Я потому обращаюсь именно въ вашу редакцію, что защитить наши великіе интересы можетъ только органъ одинаковой съ нами серьезности.

Интересы Британіи затрогиваются русскими на каждомъ шагу.

На русскихъ сцен часто ставятся піесы нашего писателя Ш усскихъ фабрикахъработаютъ англійскія машины. Русскіе пьютъ англійскую горькую водку, ѣдятъ англійскіе пуддинги и англійскій ростбифъ съ англійскими соями. Русскія дамы носятъ индійскія шали и имѣютъ для забавы собачекъ англійской породы кингъ-чарльзъ. Русскіе франты носятъ на затылкахъ англійскіе проборы. Русскія дѣти иногда страдаютъ англійскою болѣзнью. Очень часто русскіе, особенно акціонеры, страдаютъ англійскимъ сплиномъ. Парикмахеры въ Россіи употребляютъ англійскія бритвы и ножницы. Въ болѣзняхъ русскіе прибѣгаютъ къ англійской соли, а при порѣзѣ—къ англійскому пластырю. Наконецъ русскими фабриками управляютъ англичане директоры! Мнѣ кажется, я привелъ довольно случаевъ, доказывающихъ, какъ игнорируютъ Русскіе международнымъ правомъ и какъ беззастѣнчиво затрогиваютъ великіе британскіе интересы. Согласитесь, г. редакторъ, что подобныя нарушенія дружескихъ отношеній могутъ хоть кого вывести изъ терпѣнія. Желая насколько возможно способствовать братскимъ отношеніямъ между двумя великими націями и стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ взаимнаго соглашенія дойти до огражденія нашихъ великихъ интересовъ, мы на митингѣ въ Лондонѣ (Скотъ-Галль, Глупъ-Стритъ 8), гдѣ я предсѣдательствовалъ, рѣшили обратиться къ русскимъ съ словомъ увѣщанія.

Исполняя рѣшеніе митинга, я и пишу къ вамъ. Чрезъ посредство вашего журнала мы просимъ братьевъ Русскихъ, ради сохраненія добрыхъ отношеній съ нами, не затрогивать нашихъ интересовъ и быть какъ можно осторожнѣе, помня, что британскіе интересы повсюду и они могутъ быть задѣты совершенно незамѣтно. Мы не на столько притязательны, чтобы не поступиться чѣмъ либо и потому, прося Русскихъ не затрогивать нашихъ интересовъ, мы по-братски можемъ оставить имъ въ пользованіе слѣдующее: англійскую болѣзнь, англійскихъ директоровъ, пожалуй даже англійскіе проборы и даже англійскую соль. Мы надѣемся, что братья Русскіе примутъ къ свѣдѣнію наше заявленіе. Въ противномъ члучаѣ мы вынуждены будемъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.

Мы выдвинемъ нашъ флотъ и хотя бы пришлось стоять среди моря сто лѣтъ, мы исполнимъ это. На берегъ мы не пойдемъ, во-первыхъ потому, что насъ туда не пустятъ, а во-вторыхъ, не желая доставить Русскимъ возможности еще разъ затронуть наши великіе интересы, употребивъ противъ насъ же самихъ нами же выдуманный англійскій боксъ.

Примите увѣреніе и проч.

Лордъ Энглишъ Биттеръ.

Лондонъ.

Толковый словарь

самыхъ употребительныхъ словъ въ купеческомъ быту, необходимый для каждаго купца, считающаго себя образованнымъ.

СОСТАВЛЕНЪ ПРИКАЩИКОМЪ ИЗЪ НОЖЕВОЙ ЛИНІИ ПОЛУАРШИНОВЫМЪ.

А.

Абвакатъ. Слово судейское. Человѣкъ, который тебя во всякомъ дѣлѣ оправить можетъ, чтобъ ты чистъ былъ и чтобы всякіе штрафы и Титы миновалъ. Имъ цѣна разная, смотря по дѣлу.

Абцектовать. Ежели на тебя переводъ и ты долженъ его подписать, это по нѣмецки значитъ абцектовать. До подписи держись, а опосля ужь платить безпремѣнно прійдется.

Анбре. Это будутъ духи, которые самаго сильнаго запаху и для носу пріятны.

Антимонія. Все одно, что канитель. Толкуетъ ежели кто по пусту то это обозначаетъ, что онъ только антимонію разводитъ, т. е. чешется, а дѣла не видать.

Антриганъ. Человѣкъ, который подъ тебя антригу подпущаетъ и собственно все для своей дипломатіи дѣлаетъ, тотъ значитъ безпремѣнно антриганъ.

Антиресанъ. Въ томъ же родѣ сюжетъ, только больше насчетъ денежнаго антиресу музыку подводитъ. Примѣрно, дочь у тебя безъ прибавки еще пяти тыщъ онъ не беретъ, значитъ онъ антиресанъ.

Антрисоль. Тоже колѣнце значитъ. Ежели собственно думалъ насчетъ меня одно, а вышло напротивъ, это для тебя антрисоль. Второй етажъ въ домахъ тоже антрисолью зовутъ, только это неправильно.

Антверпенъ. Слово нѣмецкое и значитъ: уйди, пойди прочь, въ сторону. Напримѣръ подошли къ тебѣ въ Нижнемъ арфистки на ноты просить, а ты отказать хочешь, ну и скажи: антверпенъ! Уйдутъ сейчасъ.

Антилерія. Пушки, что въ Кремлѣ выставлены, ежели изъ нихъ палить начнутъ.

Апсентъ. Очинно хорошій напитокъ, особливо съ тройкой пріѣхавши за городъ. Помогаетъ тоже для желудочнаго сваренія, если водка не беретъ.

Артитехтуръ. У тебя, примѣрно, деньги завелись, а дома нѣтъ своего, али желаешь старый передѣлать, сейчасъ къ нему, потому онъ всѣ эти законы изучилъ и куда прошеніе подавать знаетъ.

Артистъ. Эти больше насчетъ художествъ прохаживаются, потому это къ нимъ отъ родителевъ ихъ переходитъ. Кто по карманной части, кто форточному дѣлу обученъ. Разные есть.

Арапъ. Дикій человѣкъ, который отъ Бога проклятъ и только по арапски и понимаетъ. Только насчетъ зубовъ у нихъ превиллегія, оттого одинъ и подымалъ зубами въ саду Ермитажѣ два двухпудовика.

Аржанъ. Слово нѣмецкое. Когда денегъ нема, тутъ и говорятъ, что аржану, молъ, мало.

Аршинъ. Машина по панской части, безъ нея за прилавкомъ и не стой. Кажный купецъ мѣряетъ на свой аршинъ; бываютъ которые къ аршину вершокъ почтенія дѣлаютъ, а которые и такъ рѣжутъ.

Асаже. Слово такое; ежели кому его къ мѣсту скажешь, и сейчасъ онъ попятится, асаже и выйдетъ. Или колѣно такое выкинешь, въ родѣ одного коммерсанта, что недавно вексель съѣлъ—тутъ ужь лучшаго асаже и не надо.

Атистатъ. У лошадей бѣговыхъ бываетъ, а также хорошей прислугѣ дается, когда она стащитъ что.

Афиша. Прейцкурантъ, который въ тіатрѣ продается, только за мѣсто винъ тамъ ахтера выставлены.

Афронтъ. Слово французское и тоже значеніе имѣетъ, что ассаже, только энто будетъ похлеще и безо всякихъ разговоровъ.

Ахтеръ и Ахтера. На масляницѣ подъ Дѣвичьемъ ломаются или, ежели за непочтеніе къ родителямъ, въ тіатрѣ комедь ломаютъ а то и просто паяцы въ циркѣ.

Б.

Баланецъ. Есть такой фортель, что въ торговлѣ къ пасхѣ подводится или чтобы кредиторовъ затуманить, а то есть еще оглобля такая у ахтеровъ, когда они по канату ходятъ.

Бальзанъ. Бальзанъ бываетъ разный, который отъ женскаго сословія происходитъ, тотъ для души, а который на нутрь принимаютъ, тотъ рижскій бальзанъ называется. Цвѣтомъ онъ чренъ и на вкусъ мятой отзывается.

Бикстексъ. Кушанье такое; въ Тѣстовомъ очинно мягко, а у другихъ словно подошва. Окромя этого, ежели иной разъ шкандалъ бываетъ, то лицо какъ разъ бистексомъ сдѣлаютъ, только тогда ужь онъ аглицкимъ зовется, потому—съ кровью.

Бонба. Ядро такое, изъ подъ пушки, только бонбой зовется. Одинъ ахтеръ въ тіатрѣ говорилъ, что ядромъ лучше, а бонбой дальше.

Бламанже. Сладость при кухмистерскомъ дѣлѣ а также про купчиху говорятъ, что она въ тѣлахъ одно слово бламанже.

Бранмейстеръ. Старшій въ части, при пожарныхъ и завсегда верхомъ, кишкой правитъ и громче всѣхъ оретъ.

Бранмаіоръ. Этотъ еще выше: надъ всѣми частями начальникъ и еще громче кричитъ, примѣрно: Сущевская качай! или другое что.

Брудиршафъ. Энта штука всегда бываетъ, когда пьянъ: со всѣми брудершафъ пьешь. Иной въ такомъ разѣ и съ извощикомъ и со швицаромъ изъ трактиру пьетъ. Тутъ ужь обычай такой заведенъ, чтобъ опосля его другъ другу тыкать. Брудиршафъ разный бываетъ: и на винѣ, и на водкѣ.

Букинвротъ. Нѣмецкая закуска, только въ трактирахъ дорога, лучше полпорцію спросить чего нибудь, а то ужь очень они начетисты.

Бутарь. Теперь городовымъ зовется и при шпагѣ всегда, а прежде былъ въ киверѣ и съ лебардой. Прежде кричалъ слушай, а теперь свиститъ.

Бухветъ. Мѣсто такое, гдѣ вина всѣ выставлены, а гдѣ и закуска; другіе лицо бухветомъ зовутъ.

Брусника. Важная вещь опосля пьянства, особливо моченая; лучше даже огуречнаго разсолу и, ежели еще къ ней яблоки моченыя, ну и живой человѣкъ сдѣлаешься.

Булгахтеръ. Обозначаетъ человѣка, который всякіе счета составить можетъ. Отъ него секретовъ не бываетъ, а только тоже остерегаться его надо.

Бухсиръ. Бываетъ на водѣ, и на землѣ, когда самъ въ свою квартиру войти не можешь, а потому тебя дворникъ или кто другой на буксирѣ тянетъ.

В.

Вакацыя. Если сынишку изъ Екадеміи или Коммерческаго домой отпустятъ, а то еще, когда самъ въ Нижній на ярманку уѣдешь, тутъ такая для тебя вакацыя, что страсть: время лѣтнее, трахтиры, цыгане, арфистки, жена въ Москвѣ,—просто любо!

Вахзалъ. Станція желѣзной дороги. Лучше всѣхъ вахзалъ въ Нижнемъ, только жуликовъ много. Тутъ главная причина, чтобы по знакомству еще до звонка сѣсть въ вагонъ, а то мѣстовъ не хватитъ.

Великатный. Обозначаетъ человѣка, который обращеніе понимаетъ и изъ себя видѣнъ, да чтобы шуба и одежа тысячъ триста кредиту просила и угощать чтобы умѣлъ.

Виндерецъ. Мышеловки продаетъ да кострюли, а то и въ дудки дудитъ, когда по дворамъ ходитъ.

Винѣція. Трактиръ такой есть, только туда пьян[illegible] заходи, а то такъ тебя обчистятъ, что и не увидишь[illegible] эта Винѣція по билліардной части обдѣлываетъ, а то[illegible] тишки...

Вирблюдъ. Звѣрь съ горбомъ въ золодиче[illegible] арапской земли привезенъ. Очинно мало ѣстъ[illegible] и держутъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

КРАТКІЕ ОЧЕРКИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ

БЕЗЪ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ ВЫЧИСЛЕНІЙ.

СОСТАВИЛЪ ПО НОВѢЙШИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

Ипполитъ Элоквентовъ.

ринято какъ руководство для читателей „Развлеченія“ и одобрено учеными редакціи „Развлеченія“).

Изданіе первое, безъ перемѣнъ.

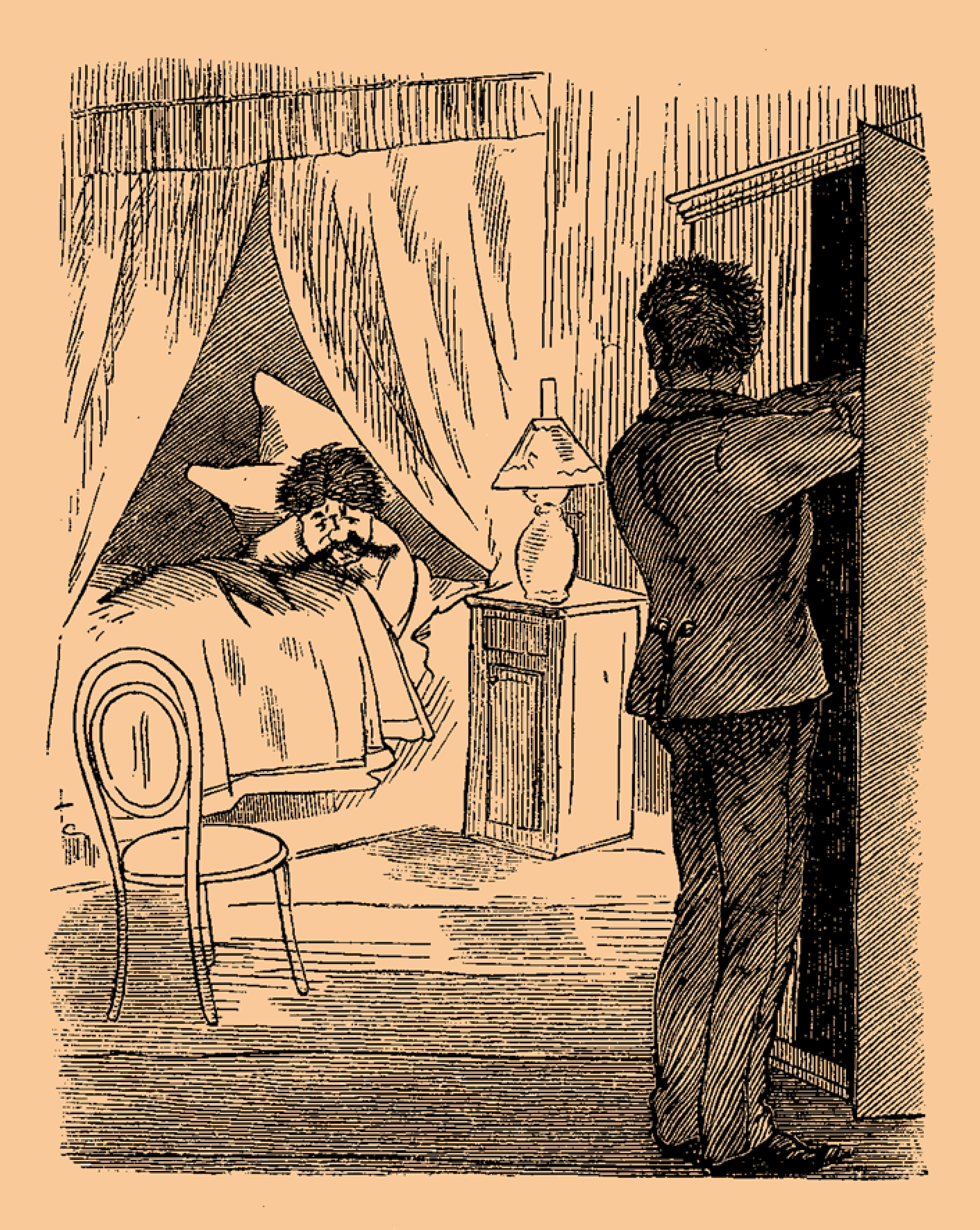
ВВЕДЕНІЕ.

Физика есть наука, занимающаяся изслѣдованіемъ ихъ явленій, при которыхъ внутренній составъ тѣлъ измѣняется. Доказательствомъ служитъ то, что если у нибудь будетъ испорчена *физика*, то внутри у него только ничего не повредится, но напротивъ ощуется большею частію волчій аппетитъ; изслѣдованіемъ внутреннихъ поврежденій и измѣненій тѣлъ зани- *Химія*, къ которой мы вѣроятно въ будущихъ возвратимся.

Глава первая.

я СВОЙСТВА ТѢЛЪ.

ѣлъ называются тѣ свойства, мъ тѣламъ безъ исключенія. ринадлежатъ: *1) Непрони- Дѣлимость*, *4) Покой*

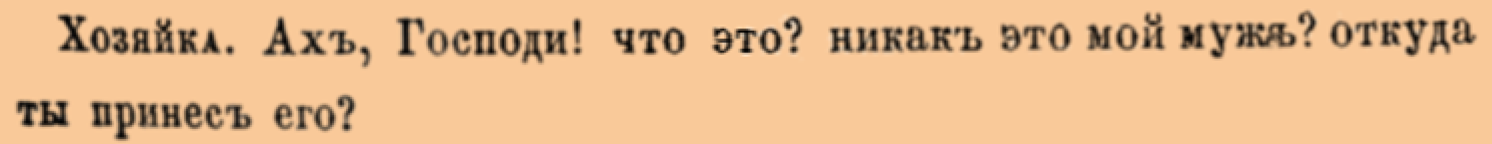

— Иванъ! какова сегодня погода?
— Не знаю, сударь,—за вьюгой ничего не видать.

и движ *Т...есть*, *6) Упругость* и *7) Протяженность.*

1) Каждое тѣло, наполненное какимъ нибудь веществомъ, *непроницаемо* и по этому другое тѣло или вещество уже въ него помѣститься не можетъ, напримѣръ: если посуда какая либо наполнена виномъ, то другое туда не вольешь, не опорожнивши сосуда; чтобы избѣгнуть этихъ переливаній, большею частью запасаются нѣсколькими наполненными сосудами, бутылками, штофами и проч.; по этой же причинѣ на одно мѣсто въ банкѣ или другомъ мѣстѣ двое помѣститься не могутъ, а потому постоянно одинъ уходитъ, другой же его замѣщаетъ; исключеніе составляютъ нѣкоторыя женщины, не обладающія непроницаемостью, ихъ сердце можетъ вмѣстить многихъ за одинъ разъ, особенно, если оно чувствительно къ металлу. Говорили, что замѣчательная непроницаемость у турецкихъ броненосцевъ, но теперь фактически доказано противное. Ученіе объ этомъ доказательствѣ называется Шестаковско Дубасовскимъ. Большою непроницаемостію обладали и, впрочемъ, теперь обладаютъ дѣла нѣкоторыхъ банковъ и только процессъ, посредствомъ прибора доктора Струсберга, можетъ уничтожить эту непроницаемость. Если вы пожелаете *проникнуть* въ Малый театръ въ свободное праздничное время, то вы вполнѣ убѣдитесь въ существованіи тамъ непроницаемости, происходящей отъ вліянія барышниковъ.

Хозяйка. Ахъ, Господи! что это? никакъ это мой мужъ? откуда ты принесъ его?

Артельщикъ. Изъ рядовъ, сударыня: такъ какъ теперича началась оттепель, такъ мы боимся, какъ бы они не попортились.

Сынъ. Посмотрите, папаша, какія у этого господина тонкія ноги.

Отецъ. Видишь ли, другъ мой, какъ это мудро устроено природою: еслибъ ноги его были толще, то онъ не могъ бы надѣть штановъ.

(„Fl. Bl.").

2). *Скважность*. Въ каждомъ тѣлѣ есть пустые промежутки, называемые *скважинами*, въ которыя проходятъ разныя вещества. Скважностью для мужей служатъ разныя мадамъ Аннетъ, Минангуа и проч., имѣющія такія скважины, чрезъ которыя проходятъ капиталы мужей. Превосходною скважностью обладаютъ выигрышные билеты съ разсрочкою платежей; дѣйствительно, простымъ глазомъ и не видишь, сколько процентовъ уходитъ черезъ нихъ. Господинъ Вальтеръ надѣлалъ нѣсколько скважинъ въ Москвѣ, какъ и господа Струсбергъ, Ландау, Ковнеръ; скважность доказало и кноповое сукно, сдаваемое подрядчиками. Скважностью обладаютъ всѣ лица, смотрящіе на дѣла подчиненныхъ сквозь пальцы: Если разсмотримъ молоко, продаваемое на рынкѣ, то найдемъ въ скважинахъ огромное присутствіе воды; равно какъ доказалъ г. Высоцкій присутствіе скважинъ въ книгахъ одного банка, а Шпейеръ доказалъ положительное присутствіе скважности въ городѣ Москвѣ, зная, посредствомъ какихъ скважинъ можно убѣжать. Послѣдній примѣръ скважности составитъ платье, купленное въ Черкасскомъ переулкѣ у Толкучки и сапоги изъ Ножовой линіи.

3). *Дѣлимость*. Дѣлимостью тѣлъ называется всякое свойство тѣлъ дѣлиться на части. Напримѣръ: выигрышъ подставныхъ игроковъ-шуллеровъ въ билліардныхъ трактировъ дѣлится между ими и маркеромъ. Даже части рѣчи имѣютъ свою дѣлимость, особенно у англійскихъ ораторовъ. Дѣлимостью обладала и контора Баймакова въ Петербургѣ, хотя части, раздѣленныя въ публикѣ, были очень малы. Самыя микроскопическія части даетъ дѣлимость капитала между кредиторами послѣ конкурса. Сыновья, получая послѣ богатыхъ отцовъ унаслѣдованную крупную дѣлимость, стараются раздробить ее на мельчайшія части посредствомъ желтогривокъ, разныхъ игоръ и т. п. Купецъ, жертвуя на колоколъ объемистую дѣлимость, раздаетъ нищимъ по субботамъ микроскопическія части и т. д., и т. д.

4). *Покой и движеніе*. Если тѣло не измѣняетъ своего положенія относительно другихъ, то оно находится въ *покоѣ*, и если оно перемѣняетъ мѣсто, то дѣлаетъ
женіе. Если вы встрѣти
тогда еще происходитъ
покой и когда за

въ покоѣ; нѣкоторыя тѣла впрочемъ еще при жизни, но въ состояніи невмѣняемости, отвозятъ въ *покой* при какой нибудь части. Неспокойнымъ людямъ, не знающимъ предѣла *движеніямъ*, очень подходитъ *покой титовскій*; въ то же время послѣ различныхъ движеній во время свадебъ садятся къ ужину за столъ, поставленный покоемъ.

Человѣкъ, обладающій покойнымъ мѣстечкомъ, вовсе не нуждается въ движеніи, а сидитъ себѣ покойно, ни о чемъ не думая, въ англійскомъ клубѣ. Отъ хорошаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ можно прямо попасть на покой къ праотцамъ, а иногда сосѣдство пѣвца итальянской оперы не даетъ вамъ вовсе покоя.

Движенія бываютъ *ускорительныя*, *замедлительныя* и *равномѣрныя*. Ускорительныя, когда идешь получать деньги или на любовное свиданіе, замедлительныя, когда, получивши мѣсячное жалованье, обязанъ его нести къ домашнимъ пенатамъ, и равномѣрныя, когда лавочникъ тебѣ *отмѣряетъ ровно* сколько тебѣ надо, не обсчитавъ тебя и не обмѣривъ. Ускорительныя движенія производитъ адвокатъ, идя съ увѣренностію выиграть дѣло, и замедлительныя, когда сходитъ съ трибуны, проигравъ его. Есть также движеніе *несвободное*, его можно часто наблюдать на улицахъ Москвы и въ человѣкѣ, когда онъ пишетъ мыслете и другіе вензеля. Если движеніе *несвободно* и начальникъ станціи пускаетъ поѣздъ, то вслѣдствіе *инерціи* происходитъ *криволинейное* движеніе и поѣздъ летитъ на бокъ. Хорошей *инерціей* обладаютъ половые въ трактирахъ, когда выталкиваютъ посѣтителей; въ доброе старое время очень развита была инерція у будочниковъ, когда они упрашивали народъ *честью* разойтись.

5). *Тяжесть*. Всякое тѣло, ничѣмъ не поддержанное, падаетъ, потому что его притягиваетъ земля; это притяженіе называется *тяжестью*. Хотя нѣкоторые купцы и обладаютъ солидною тяжестію, но когда ихъ поддерживаютъ, при уходѣ изъ трактира, половые, они вовсе не падаютъ. На многихъ, напримѣръ, тружениковъ падаетъ вся тяжесть дѣлъ и если бы ихъ не поддерживала мысль о семьѣ, они бы упали отъ изнеможенія. Конечно, какъ ни поддерживай деньгами желтогривую полудѣвицу, она все-таки *пала* и подняться не желаетъ или не можетъ. Если на кого нибудь падаетъ тяжесть обвиненія въ растратѣ и если его адвокатъ не поддержитъ на судѣ, онъ непремѣнно упадетъ. Если бы артисты Малаго театра своей игрой не поддерживали нѣкоторыя безсмысленныя піесы, онѣ бы непремѣнно упали, точно такъ, какъ не поставь во время г. Алексѣевъ желѣзныя скобы къ своему дому на Никольской и этимъ не поддержи его, домъ бы непремѣнно упалъ и тяжесть вся обрушилась бы на подрядчика работъ, а не на архитектора. Каждое тѣло, имѣя *тяжесть*, обладаетъ въ тоже время *вѣсомъ* [illegible]*массой*; изъ этого слѣдуетъ, что если ты человѣкъ [illegible]й и съ *вѣсомъ* и чувствуешь *тяжесть* без[illegible] людей, готовыхъ дать тебѣ [illegible]вить имъ въ данномъ [illegible]вольное количество [illegible]ди, если только [illegible]дать домаш-

6). *Упругость*. Если мы сдавимъ какое нибудь тѣло или растянемъ его и оно тотчасъ же приметъ первоначальную форму, то такого рода свойство называется упругостью. Одни тѣла обладаютъ большою *упругостію*, другіе же *мало упруги*. Возьмемъ, напримѣръ, Охотный рядъ, обладающій громадною упругостью. Отъ него, по случаю вони, такъ и отскочишь, съ другой же стороны, ресторанъ Славянскаго базара по чистотѣ воздуха совершенно *неупругъ*, но за то отъ цѣнъ въ прейсъ-курантѣ такъ отлетишь, что прелесть! Если ты даешь нужному лицу взятку, положимъ во сто рублей, и онъ на тебя такъ взглянетъ, что ты отскочишь, упятери приносимое и онъ тебѣ докажетъ, что онъ тѣло малоупругое, а если удесятеришь благодарность, то онъ станетъ совершенно неупругимъ. Если менторъ въ пансіонѣ *растянетъ* твоего сына, чтобы наказать, *сожми* кое-что въ рукѣ и его отношенія совершенно измѣнятся. Гораздо лучше говорить *сжато* и толково, чѣмъ *растянуто* и безъ смысла.

7). *Протяженность*. Всякое тѣло непремѣнно занимаетъ какое нибудь пространство и это свойство называется *протяженностью;* таковая измѣряется въ *длину*, *ширину* и *глубину*.

Вникни, напримѣръ, въ статьи большаковъ «Новаго Времени» и попробуй отъискать *глубину* — напрасно! Или, ужь коль зашло дѣло о печати, пойми *ширину* мысли въ «Золотой Грамотѣ» г-на Ливанова, а оттуда если мы махнемъ въ *глубину* Артезіанскаго колодца, то увидимъ *длину* бурава и больше ничего. Думскіе проэкты есть тѣло кубическое съ огромнымъ пространствомъ въ длину, ширину и толщину и вся эта масса витаетъ въ пространствѣ, тамъ... гдѣ-то далеко, далеко. Возьмемъ городскіе ряды. Ширина неимовѣрная, такъ что если рослый и тучный купецъ станетъ поперекъ, то ходъ закрытъ; толковали, толковали о перестройкѣ, и все кануло въ глубину Леты. Если поѣдешь въ Нижегородскую ярмарку, то увидишь всю ширину русской натуры, но Боже сохрани тебя пойти въ глубину сада Кузнецова: не пройдешь одного шага, какъ вытянешься замертво во всю длину.

Однако, чувствуя въ первой главѣ моей Физики довольную протяженность, заканчиваю ее и перехожу ко второй къ знаменитому ученію о силахъ.

А. Д—ій.

КЪ СТАТИСТИКѢ МОСКВЫ

за первую недѣлю Великаго поста.

Опохмѣлилось въ чистый понедѣльникъ, начиная съ 6-ти час. утра до 6-ти час. вечера: Фабричныхъ	66,000	чел.
Ремесленниковъ	38,000	»
Прислуги	18,000	»
Купцовъ и мѣщанъ	11,000	»
Привиллегированнаго сословія	4,000	»
Отправилось на тотъ свѣтъ преждевременно	300	»
Поступило на излѣченіе въ больницы	1800	»

Выпито капустнаго и огуречнаго разсола въ Замоскворѣчьѣ, Таганкѣ и Рогожской	40,000	вед.
Продано въ аптекахъ съ чистаго понедѣльника:		
Англійской соли	40,000	унц.
Кастороваго масла	18,000	»
Вѣнской настойки	25,000	»
На балу въ Нѣмецкомъ клубѣ было:		
Нѣмцевъ	1500	чел.
Русскихъ	2500	»
Разочтено прислуги за масляничное пьянство:		
Кухарокъ	2000	»
Горничныхъ	3000	»
Дворниковъ	4000	»
Кучеровъ	1800	»
Лакеевъ	7000	»
Нянекъ	2800	»
Прикащиковъ	1600	»
Поваровъ	900	»

Ремесленниковъ не разочтено ни одного, потому что всѣ одинаково были пьяны.

Продано червивыхъ грибовъ на грибномъ рынкѣ	1000	пуд.
Продано меду съ мукой	2000	пуд.
Продано постнаго сахару	4000	пуд.

Сколько оказалось пустыхъ кармановъ послѣ масляницы въ столицѣ—счесть нѣтъ возможности: куда ни загляни—пусто.

Страдали икотой и изжогой послѣ масляницы—половина населенія столицы.

Обратилось за совѣтомъ къ адвокатамъ по случаю надѣланныхъ скандаловъ на масляницѣ 980 чел.

ОЧЕРКИ И КАРТИНКИ ПРОВИНЦІЯЛЬНЫХЪ ПАЛЕСТИНЪ

Мое намѣреніе конкуррировать съ В. И. Немировичемъ-Данченко.—Читатель можетъ найти описаніе баталій и въ моемъ фельетонѣ.—Битва въ Кутаисѣ и ея результаты.—Сраженіе въ Варшавѣ.—Храбрый воинъ изъ трусливаго племени.—Роды плѣннаго турки и редакція газеты „Яхта" въ должности повивальной бабки.—Орловскій старшина присяжныхъ.

Только увѣренность, что я могу конкуррировать съ литераторомъ Немировичемъ-Данченко, даетъ мнѣ смѣлость приступить къ рисованію своихъ «картинокъ» изъ жизни обывателей Чебоксаръ, Аткарска, Кирсанова и другихъ городовъ. Единственно убѣжденіе, что и я, скромный фельетонистъ, имѣю возможность задобрить иногда читателя батальной живописью, столь модной въ послѣднее время,—единственно это подкрѣпляетъ мой духъ и не даетъ перу дрожать.

Итакъ впередъ безъ страха и сомнѣнья!...

Вамъ любы батальныя картины, васъ интересуетъ разоблаченіе интригъ,—извольте, въ своихъ фельетонахъ я буду давать и батальную живопись, займусь и разоблаченіемъ интригъ... У меня всегда будетъ про запасъ на этотъ случай какой нибудь подходящій разсказъ о нашихъ баши-бузукахъ, которыми еще не оскудѣла Русь. Съ такими резервами я смѣло выступаю на поприще провинціяльнаго бытописанія, надѣясь въ извѣстныхъ случаяхъ затмить и Немировича-Данченко, закаленнаго въ описаніяхъ битвъ и всякихъ забалканскихъ ужасовъ. Исключительно возможность конкуррировать съ нимъ даетъ мнѣ смѣлость выступить предъ современнымъ читателемъ!...

Любитель ужасовъ, сраженій,
Потоковъ крови, трупныхъ горъ,—
Отъ этихъ строчекъ, безъ сомнѣнья,
Не отвратитъ свой ясный взоръ.
Въ нихъ онъ найдетъ, коль пожелаетъ,
И бранный шумъ, и вопль, и стонъ,
Которымъ слухъ нашъ поражаетъ
Родная Русь со всѣхъ сторонъ...
Порывы дикаго купчины,
Насилье, драки безъ причины,
Самоуправство, самосудъ—
Ты все найдешь, читатель, тутъ!...

Теперь я объяснился. Можно приступить и къ дѣлу.

Дѣло на первый разъ заключается въ томъ, что вы, читатели, должны быть счастливы.—Отчего и зачѣмъ?—Оттого, что я намѣренъ сообщить вамъ о битвѣ, которая происходила недавно въ Кутаисѣ, т. е. на «томъ погибельномъ Кавказѣ», который въ этомъ отношеніи «видалъ виды».

Представьте себѣ южный городъ, у котораго въ виду—величественныя кавказскія горы, Казбекъ, Эльбрусъ и т. п. Въ необъятной вышинѣ синяго неба парятъ «пернатые хищники», представляясь взору въ видѣ едва замѣтныхъ черныхъ точекъ. А внизу, на землѣ,—неизмѣнная проза: мчится въ Кутаисъ желѣзнодорожный поѣздъ и везетъ столичную почту, письма, журналы, газеты и въ послѣднихъ корреспонденцію изъ богоспасаемаго града, того же Кутаиса. Ни орлы, не величественныя горы еще не подозрѣваютъ этого ехидства; не подозрѣваютъ его и мирные горожане. Но вотъ проходитъ нѣсколько часовъ и газеты разнесены почтальонами. Картина мѣняется. Цари птицъ, въ предчувствіи чего-то ужаснаго, скрываются въ свои гнѣзда; горы закутываются въ чадру тучъ; на землѣ, въ городѣ—крики смятенія и ужаса! Разносятся страшныя вѣсти! Весь Кутаисъ говоритъ о происходящемъ сраженіи—и гдѣ-же?—въ стѣнахъ самаго Кутаиса!....

Причина?

Изъ-за корреспонденціи въ одной изъ газетъ!...

Я пойму, если въ провинціи отдубасятъ злосчастнаго корреспондента, затравятъ его бѣшеными собаками, даже если его повѣсятъ на первомъ подвернувшемся фонарномъ столбѣ,—все это такъ и слѣдуетъ, ибо корреспондентъ, выносящій соръ изъ избы, достоинъ всякихъ каръ. Но... но чтобы изъ злокозненнаго литератора подрались почтенные люди,—это, согласитесь, ни съ чѣмъ несообразно!...

Битва, приводящая въ ужасъ весь Кутаисъ и даже пернатыхъ, даже величественныя горы!—Изъ-за чего?—Изъ-за вопроса: кто авторъ корреспонденціи?... Кто?—и почтенные люди дерутся! Дерутся безрезультатно, ибо вопросъ: кто?—остается открытымъ, не смотря на разбитые носы, свихнутыя скулы и кровоподтеки!

Можетъ быть, читатель желаетъ узнать: о какой національности принадлежатъ кутаисскіе просвѣтители? Заранѣе говорю: не знаю. Но за то, мнѣ извѣстно, что варшавскіе «воиники» принадлежатъ къ жидовскому

племени, особенно извѣстному москвичамъ (да впрочемъ, кто его не знаетъ!) О варшавскихъ «войникахъ» тоже говорятъ газеты, но аттестуютъ ихъ уже не просвѣтителями юношества, а мошенниками, которые, подъ предводительствомъ какого-то Лейбы,—давно уже смущали запоздалыхъ прохожихъ Варшавы и давно уже желательны были варшавской полиціи, которая жаждала свиданія съ Лейбою, но... это знаетъ весь свѣтъ, что мущины коварны; былъ коваренъ и Лейба. Такъ продолжалось долго. Но вотъ, наконецъ, полиція подкараулила почтеннаго Лейбу «со товарищи» и вѣжливенько пригласила въ злачное мѣсто; Лейба отказался и, мало этого,—бросился на полицейскихъ. Произошла баталія, въ результатѣ которой—плѣненіе Лейбы.

Этотъ фактъ обращаетъ на себя вниманіе со стороны воинственности еврея Лейбы. У насъ установилось мнѣніе, что жиды, вообще, трусы; если они мошенничаютъ, обворовываютъ, обманываютъ, то все это втихомолку и при такой обстановкѣ, что въ случаѣ что—жиды поджимаютъ хвосты и благоразумно прячутъ концы въ воду; открытыхъ разбойниковъ жидовъ я доселѣ не видывалъ: они больше практикуютъ «на законнымъ основаніи». Лейба—это характерное исключеніе—занимался открытымъ грабежемъ на улицахъ и, пойманный, не прибѣгъ къ какимъ либо уловкамъ, а оказалъ открытое сопротивленіе, съ нимъ едва сладили. И, ей-Богу, Лейба симпатичнѣе на мой взглядъ, чѣмъ всѣ его сородичи изъ Бердичева, обитатели московскаго Зарядья и т. п., вытягивающіе жилы изъ живыхъ людей и не могущіе быть зацѣпленными на крючокъ закона. Открытый врагъ не такъ опасенъ, какъ человѣкъ съ камнемъ за пазухой.

Съ другой стороны, смѣю васъ увѣрить, совсѣмъ не опасенъ газетный корреспондентъ, который держитъ у себя за пазухой утку, готовясь накормить ею публику. Не опасенъ онъ и тогда, когда выпуститъ свою птицу на волю, и начнетъ бѣдная утка носиться надъ землею, возбуждая усиленные толки среди жителей городовъ, селъ и деревень земли русской.

Одинъ изъ такихъ корреспондентовъ (газеты «Яхта») выпустилъ утку и отправилъ ее въ свою редакцію, приклеивъ къ хвосту сообщеніе, что плѣнный турокъ въ Ревелѣ разрѣшился отъ бремени здоровымъ младенцемъ мужскаго пола. «Яхта» утки не зарѣзала, а напротивъ—пустила гулять ее по бѣлу свѣту и разносить православному люду чудную вѣсть. Получился эффектъ.

— Ахъ, ты, нечистый народъ! говоритъ грамотный лавочникъ своему сосѣду.—На-ко, ты: родилъ, да и вся недолга! То-то у нихъ народищу и много,—бьютъ, бьютъ, въ плѣнъ берутъ, а все изводу нѣту... Какой тутъ, братецъ мой, изводъ, когда у нихъ и мужики рожаютъ! Ахъ, треклятые!...

— Премудрость!...

И лавочники разводятъ руками.

Но чему тутъ собственно удивляться? Пусть хоть самъ редакторъ разрѣшится и родитъ здороваго младенца,—пусть множатся и населяютъ землю... утками!

Вотъ сообщеніе «Сѣвернаго Вѣстника» изъ Орла—это очевидно не утка. Въ газету пишутъ, что въ орловскомъ окружномъ судѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій фактъ: шесть человѣкъ присяжныхъ изъ крестьянъ заявили тотчасъ по прочтеніи приговора, что у нихъ, во время обсужденія дѣла, «не отбирали рукъ», что они «не шли подъ согласіе», что ихъ мнѣнія старшина не хотѣлъ принимать, а седьмаго изъ нихъ переманилъ на свою сторону насильно, и голосовъ не считалъ. Объ этомъ, по ихъ просьбѣ, составленъ немедленно протоколъ товарищемъ прокурора.

Къ сожалѣнію, корреспондентъ не передаетъ фамиліи этого энергичнаго старшины присяжныхъ, такъ что мы не можемъ увѣковѣчить его въ нашей лѣтописи въ назиданіе послѣдующимъ поколѣніямъ орловскихъ старшинъ.

На первый разъ довольно!

Пустозвонъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

Дозволено цензурой. Москва, 8-го Марта 1878 года

Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера (Яуз. ч. 1 кв. № 82).